

*Ода  
Тюмени*





Александр Иванов	4
Бригиды Иванов	7
Валентина Иванов	8
Харитина Иванов	10
Михаил Иванов	11
Светлана Иванов	12
Ирина Иванов	13
Александр Иванов	14
Светлана Иванов	15
Ирина Иванов	16
Александр Иванов	17
Светлана Иванов	18
Ирина Иванов	19
Александр Иванов	20
Светлана Иванов	21
Ирина Иванов	22
Александр Иванов	23
Светлана Иванов	24
Ирина Иванов	25
Александр Иванов	26
Светлана Иванов	27
Ирина Иванов	28
Александр Иванов	29
Светлана Иванов	30
Ирина Иванов	31
Александр Иванов	32
Светлана Иванов	33
Ирина Иванов	34
Александр Иванов	35
Светлана Иванов	36
Ирина Иванов	37
Александр Иванов	38
Светлана Иванов	39
Ирина Иванов	40
Александр Иванов	41
Светлана Иванов	42
Ирина Иванов	43
Александр Иванов	44
Светлана Иванов	45
Ирина Иванов	46
Александр Иванов	47
Светлана Иванов	48
Ирина Иванов	49
Александр Иванов	50
Светлана Иванов	51
Ирина Иванов	52
Александр Иванов	53
Светлана Иванов	54
Ирина Иванов	55
Александр Иванов	56
Светлана Иванов	57
Ирина Иванов	58
Александр Иванов	59
Светлана Иванов	60
Ирина Иванов	61
Александр Иванов	62
Светлана Иванов	63
Ирина Иванов	64
Александр Иванов	65
Светлана Иванов	66
Ирина Иванов	67
Александр Иванов	68
Светлана Иванов	69
Ирина Иванов	70
Александр Иванов	71
Светлана Иванов	72
Ирина Иванов	73
Александр Иванов	74
Светлана Иванов	75
Ирина Иванов	76
Александр Иванов	77
Светлана Иванов	78
Ирина Иванов	79
Александр Иванов	80
Светлана Иванов	81
Ирина Иванов	82
Александр Иванов	83
Светлана Иванов	84
Ирина Иванов	85
Александр Иванов	86
Светлана Иванов	87
Ирина Иванов	88
Александр Иванов	89
Светлана Иванов	90
Ирина Иванов	91
Александр Иванов	92
Светлана Иванов	93
Ирина Иванов	94
Александр Иванов	95
Светлана Иванов	96
Ирина Иванов	97
Александр Иванов	98
Светлана Иванов	99
Ирина Иванов	100

# Ода Тюмени

Муниципальное автономное учреждение  
культуры города Тюмени  
«Централизованная городская библиотечная система»  
ИНН 7204037883  
Филиал МАУК «ЦБС»  
«Информационно-библиотечный  
центр для молодежи»  
г. Тюмень, ул. Чернышевский проспект, 15, корпус 1

Издательский дом «Слово»  
Тюмень  
2008

ББК 94.3

О 40

Ода Тюмени: Сборник. - Тюмень:  
ИД «Слово», 2008. -63с.

Сборник произведений самодеятельного словесного творчества жителей города и его окрестностей.

Издано по материалам второго открытого творческого конкурса «Ода Тюмени» с сохранением авторских редакций.

Выпуск 1



«Слово» - Тюмень  
Издательство  
2008

## СОДЕРЖАНИЕ

Анатолий Иванов.....	4
Кристина Быкова.....	5
Елизавета Лаврова.....	6
Альбина Никитина.....	7
Марина Косполова.....	8
Людмила Важенина.....	9
Борис Галязимов.....	10
Анжела Поливодова.....	11
Роман Васильев.....	12
Виталий Шубин.....	13
Ольга Данилова.....	15
Сергей Дюкалов.....	16
Петр Шевченко.....	17
Анатолий Киселёв.....	33
Нелли Шадрина.....	46
Ксения Иванова.....	47
Любовь Фофанова.....	49
Светлана Ерофеева.....	53

\* \* \*

Тюмень-Тюменюшка, тебя мы обожаем:  
Ведь наши судьбы тесно связаны с тобой.  
Когда ты нас опять куда-то провожаешь,  
Мы с нетерпением возвращаемся домой.

Прекрасен вид твоих огромных новостроек  
Ты поражает современной красотой.  
Твой каждый житель для тебя любим и дорог –  
Он создаёт твою красу своей рукой.

\* \* \*

Тюмень – не малый город,  
Большой водоворот.  
В нём строятся дороги,  
И в нём наш народ живет.  
Живут в нём люди тесно,  
Так дружно, интересно!  
Тюмень – красивый город,  
Любимый и большой?  
Так почему же люди  
Живут так тесно в нем.

## ТАРМАНСКИЙ ВАЛЬС

Здесь в холодной Сибири  
Далеко от Москвы,  
Средь березовой шири  
Повстречались мы!

Говорить не устану  
И влюбляться в тебя,  
Мой посёлок Тарманы,  
Моя жизнь и судьба!  
Свой посёлок мы любим,  
Здесь и отдых и труд,  
И прекрасные люди  
Со мной рядом живут!

И несет ветер встречный  
Нежный запах с полей,  
Буду помнить я вечно  
Свет тарманских огней!



ЛИСТОПАД

Листопад, листопад, листопад  
По Дзержинской, по улице Мира.  
Листья, падая, тихо шуршат,  
Где бы я ни бродила.

Золотые берёзы стоят на Мысу,  
Запылали пожаром осины.  
И последних цветов я охапку несу –  
От осенней красы оторваться нет силы.

Листья падают, листья падают.  
По Тюмени осень идёт.  
Золотой наряд всех нас радует.  
Разнотравьем осень цветёт.

\* \* \*

Тюмень – девчонка на обрыве,  
В джинсовке, волосы вразлёт –  
Она в мальчишеском порыве  
Кричит, смеется и поёт.  
Ей всюду тесно, словно рыбе, –  
Крылом расталкивая лёд,  
Она стремится от запретов,  
И от бабусиных заветов  
И... отрочество настает  
Девчонка вешнею порой  
Над пробудившейся Турой  
Чуть замерла и – вверх бегом,  
Играя впрятки с ветерком.

## ГОРОДСКИЕ ЗАРИСОВКИ ПОД НАСТРОЕНИЕ

\* \* \*

Для рабочих людей и детей  
День рождения города – праздник,  
А для власти имущих – забота,  
Как на нём заработать очки.

\* \* \*

Города похожи на людей,  
Тоже любят хвастаться  
У кого роскошной фейерверк,  
А у кого история.

\* \* \*

После праздника наступают будни,  
Но радуют души подарки,  
Весело цокают, каблуки  
По тротуару, проложенному к празднику.

ТЕРЕМА ТЮМЕНСКИЕ

Вековая старина,  
Мудрость чья-то дерзкая...  
Над Турой плывут дома –  
Терема Тюменские.

По наличникам, карнизам –  
Луговые, дивные  
То ромашки, то ирисы,  
То цветы без имени.

Кружевной повис наряд  
Над тесовой крышею:  
Чудо – дымники парят,  
Будто сказкой вышиты.

Дым кудрявый в небо гонит,  
Сказка не кончается.  
Пляшут черти, скачут кони  
И не задыхаются.

\* \* \*

Живу я в городе Тюмени,  
Где как грибы растут дома,  
Впельменной варятся пельмени,  
Галдит ребячья кутерьма.  
Я эскимо беру простое,  
В большой бутылке лимонад,  
Искрится солнце золотое,  
И жизни я безумно рада.  
А детство будет продолжаться –  
Играть, скакать,  
Любить, смеяться,  
Смотреть на звезды и луну,  
Не знать ни горя, ни войну.  
Любить природу, школу, маму,  
И быть немножечко упрямой,  
Немножко дерзкой озорной  
Девчонкой с русской душой.

## ГОРОД ТЮМЕНЬ

Солнечный день.  
Город Тюмень,  
Улицы пахнут весной...  
Скверы, Горсад,  
Как же я рад,  
Что возвратился домой.

Старый вокзал,  
Я так устал  
От поездов и дорог.  
Счастье, уют,  
Радость, уют –  
Здесь найти я всё смог.

Будто бы спит,  
Свято хранит  
Тайны Тюмени Тура.  
В прошлых веках  
В собственных снах  
Помнит она Ермака.

Сотни страниц.  
Тысячи лиц –  
Город ведёт свой рассказ.  
Мир суеты,  
Встреч и любви.  
Мир этих собранных фраз.

Город Тюмень –  
Словно ступень  
В мир под названием «Рай».  
Все ты найдёшь.  
Не пропадёшь,  
В город Тюмень приезжай.

ТЮМЕНЬ

Над Уралом – горой  
Начинается день.  
Над рекою Турой –  
Сибирячка Тюмень.

Кто назвал её так?  
Знает Бог, этот день.  
И вагул, и остяк –  
Давно знали Тюмень.

Или хана жена,  
Или ханская дочь,  
Ты была рождена  
Видно, в белую ночь.

Иль Хозяйка горы  
В тёмну ночь родила,  
И на берег Туры –  
За Урал отдала.

А Седой Дед – Урал  
Очень внучку любил!  
Реки ей серебра  
В день рожденья дарил.

И старушка – Югра  
Все ждала этот час.  
У ней много добра:  
Есть и нефть, есть и газ.

Годы – быстро летят,  
Превращая детей  
Из обычных утят –  
В дорогих лебедей.

И за днём бежит день  
От зари, до зари.  
Всем известна Тюмень –  
Внучка Бабки – Югры.

К ней летят, каждый день, –  
Гости с разных широт.  
Едет, едет в Тюмень –  
Разночинный народ!

А теперь, что ни день –  
Хорошеет Тюмень!  
И толпится народ –  
У Сибирских Ворот!



\* \* \*

Как хорошо в моей России,  
В её берёзовой тиши.  
Среди озёр и речек синих  
Любить покой её души.

Молчать и слушать шёпот леса,  
И слушать дробный дятла стук,  
И наблюдать, как сеть повесил  
Над тропкой серенький паук.

И наслаждаться летом, словно  
Я получила главный приз.  
И наблюдать в овраге тёмном  
Ежа, скатившегося вниз.

Желать того, что жизнь дарует  
И благодарно принимать:  
И ветер, что навстречу дует,  
И тот, что в спину будет гнать.

И у окошка ночью зимней  
Однажды вспомнить летний лес —  
И ощутить тепло России  
Под синевой её небес.

## МОЯ ТЮМЕНЬ

С добрым утром, моя Тюмень!  
Расцветает ты ввысь и вширь.  
Здесь Ермак на лихом коне,  
Как невесту, обнял Сибирь.

Белым звоном плывут, плывут  
Купола твои, купола.  
Белой грустью зовут, зовут  
Тополя твои, тополя.

Молодые твои дома –  
Молодые твои года.  
По бульварам прошли века,  
Ну а нынче спешит весна.

Я тобою, Тюмень, богат.  
И не надо мне с неба звезд,  
Если рядом твой ясный взгляд  
И ладони твоих берёз.

Ты – любовь и судьба моя,  
Я улыбкой твоей согрет.  
Я пройду через все снега,  
Подарю тебе яблонь цвет.

Белым звоном плывут, плывут  
Купола твои, купола.  
На ресницы роняют пух  
Тополя твои, тополя.

## ОДА ТЮМЕНИ

### СТАРИННЫЙ ГОРОД

Тюмень, в былом Чимги – Тура –  
Кучума грозного столица.

Всё так же, как тогда Тура  
К Тоболу, на восток стремится.

Из века в век, и день за днём  
Вода течёт, меняя время.

И нефть давно уж бьёт ключом  
В краю непуганого зверя.

По берегам реки Туры  
Раскинулся старинный город.

Здесь некогда купцы из Бухары  
Сибирский укрощали холод.

Стальные руки крепкие мостов  
Соединили времена и улицы.

Среди домов былых веков  
Стеклобетонные стоят, сутулятся.

Меняют облик твой года.  
И сбывшиеся в камне планы.

Подъёмных кранов череда:  
Высотки, площади, фонтаны...

Всё это – город мой, Тюмень!  
Он многолик, многоэтажен.

Не исчерпаем его день,  
Как глубина сибирских скважин.

## МОСТ ВЛЮБЛЁННЫХ

Мост, соединяющий сердца!  
Мост влюблённых – это символично.  
У кольца нам не сыскать конца  
И любовь должна быть безгранична.  
На перилах множество замков,  
А ключи с размаху бросим в воду.  
Чтобы на замок закрыть любовь,  
Выкуп заплатит чудачке-моде.  
Только сердцу нипочём замки.  
Даже, если ключ в воде утопишь.  
Разорвёт железные тиски  
И свободы чуточку попросит.  
Мост, конечно, выдержит ещё  
Не один замок и это точно.  
Ну, а вот, любовь, зачем её,  
Каждый день испытывать на прочность.  
Настоящая любовь сильна,  
Выдержит конфликты все и ссоры.  
И как мост она иметь должна  
Сильные духовные опоры.  
Взаимопониманье, доброта,  
Жизнь не для себя, а для другого.  
Вот премудрости сердечной чистота!  
И не существует правила иного.

## ПРОЩАНИЕ

Старый дом, простая деревяшка...  
Под окном крапива и полынь.  
Как же мне с тобой расстаться тяжко  
И уйти в бетонный монастырь.  
Грядки огородные, тепличка,  
И резной узор слепых окон.

Всё мне это снится по привычке  
И не знаю, где тут явь, где сон.  
На трубе петух из тонкой жести  
Распустил витой ажурный хвост.  
Стережёт он огненную бестию,  
Смотровой не покидая пост.  
Поклонюсь старинной русской печке,  
Той, что дарит сытость и тепло.  
Постою на низеньком крылечке;  
Дом на снос, ему не повезло.  
Скрипнет вслед, прощаясь, мне калитка,  
Как бы извиняясь за приют.  
Почему свой домик, как улитка,  
Не могу в оставшийся взять путь.  
Ты прости, меня, мой милый дом!  
Я тебя, как-будто, предаю.  
Не сегодня-завтра ты на слом —  
Под строительство я землю отдаю.  
Скоро здесь поднимется высотка:  
Из стекла, бетона, кирпича.  
Памятник, ушедшему до срока.  
Пусть не восковая, но свеча.

### МОСТ РЕЗНОЙ

Мост деревянный, мост резной  
Когда-то был на Мостовой.  
Творением искусных мастеров  
Деревянный слыл его остов.  
И деревянные огромные быки  
Соединяли берега одной реки.  
А по его натруженной спине  
Ходили мы к Заречной стороне.  
Мост верою и правдою служил,  
И грузы и людей переносил.

Но наступил такой момент –  
Решили: ни к чему нам монумент.  
Зачем его нам каждый год латать,  
Уж лучше из бетона мост создать.  
И шестидесятилетний мост  
Вновь под топор пошёл, под снос.  
По топкам развезли его,  
Он людям подарил тепло.  
Несущих балок кружева  
Мы порубили на дрова...  
И этот архаичный раритет  
Не существует уже много лет.  
Но люди старших поколений  
Помнят, был такой в Тюмени.  
Мост деревянный, мост резной  
На улице, на Мостовой.  
Творение искусных мастеров  
Исчезло в мираже веков.

## ТАЙНА УЛИЦ

В этом городе тайна переулков и улиц.  
Фонари вдруг случайно в полумраке уснули.  
В ночной тёмной прохладе всё живое уж спит,  
Только ветер бродяга листьями шелестит.  
Месяц тонкий украдкой из-за тучки глядит  
Да мерцающая дорожка за ним следом бежит.  
Мы идём с тобой рядом в темноте переулков.  
Затянулась надолго с тобой наша прогулка.  
И дома, и деревья слышат каждый наш шаг.  
Нас с тобой провожает лай тревожный собак.  
Вот твой дом и калитка, и резная ограда.  
Нам с тобой, дорогая, здесь проститься бы надо.  
Только сердце зачем-то учащённо стучит  
И руке твою руку отпустить не велит.

Разговор, слово к слову сладкой тянется вязью.  
Мы с тобою страдаем некой светобоязнью.  
Фонари! Нам не нужен ваш погашенный свет.  
Вновь бредём мы по лужам, будет скоро рассвет...  
Тайна, скрытая улиц, сумерки переулков  
Дарят уединенье нам с тобой для прогулок.

### НА РЕКЕ, НА ТУРЕ...

На реке, на Туре  
Пароходик гудит.  
О реке, о Туре  
Сердце мне говорит:  
«Ты теки, убегай  
В дальний край, в дальний путь.  
В океан поспешай,  
Но Тюмень не забудь».

А в Тюмени мосты,  
А в Тюмени друзья...  
И осталась там ты  
Дорогая моя!  
Ты не плачь, не грусти.  
Мой речной пароход,  
Одолев, все пути,  
Пришвартуется в порт.

Пароходик идёт  
По реке, по Туре.  
И тобольских уж вод  
Бьёт волна по корме.  
Груз везёт пароход  
В дальний северный край,  
Но в родной речной порт  
Он вернётся, ты знай!

И пройдя сотни вёрст  
Груз, доставив сполна,  
На крутой обский плёс  
Нас выносит волна...  
По реке, по Туре  
Пароход уж идёт.  
Эту песню тебе  
Само сердце поёт!

### СТУДЕНЧЕСКОЕ

В великодушный день Татьяны,  
Не мучая учителей.  
Наполним мы вином стаканы  
И выпьем за своих друзей.  
Студенты, братья и друзья!  
Сегодня в этот зимний день.  
Пустив, стакан с вином по кругу  
Нам петь и праздновать не лень  
Закончив сессию, весельем  
Мы наполняем знаний град.  
Здесь под университетской сенью  
Без нас скучает ректорат.  
Но мы вернёмся очень скоро.  
Мир знаний, разбудив от сна,  
И впишем в шум аудиторий  
Свои простые имена.

\* \* \*

В нашей роще нет деревьев.  
Только толстые пеньки.  
Порубили все деревья  
Сёл окрестных мужики.  
На дрова, на сруб, на баню,



На оградные столбы.  
Погрузили рошу в сани,  
По оградкам развезли.  
И теперь по всей округе,  
В поле, заметая след,  
То метель, то воев вьюга  
И пути-дороги нет.  
А из птиц одни сороки  
На пеньках свой чертят крест.  
Похорон, справляя сроки.  
Плач разносят свой окрест.  
Ветра жгучего засилье.  
Снежный разнося покров,  
Всё бранит дурную силу  
Не далёких мужиков.

\* \* \*

Тюмень – столица деревень  
Свой изменила облик.  
Высоткам вверх расти не лень  
Для них это не подвиг.  
И город мой под небеса  
Взлететь как-будто хочет,  
И краны, и стропил леса  
Под небо превозносит.  
Дороги новые мостит, –  
Автомобилям тесно.  
И о бывшей тиши грустит  
Нам это всем известно.  
Патриархальный свой наряд  
Меня постепенно,  
Спешит на европейский лад  
Одеться непременно.  
И небоскрёбов высота,  
И широта проспектов

Сотрут былую красоту  
Резных дивертисментов.

### ЛОДОЧКА

Мы плывём на лодочке  
По Туре-реке.  
Нежимся на солнышке  
И рука в руке.  
Нас несёт течение  
По волнам реки.  
Это приключение  
Дарит миг любви.  
Весла нам не надобны,  
И по воле волн  
Плывёт плавно за город  
Деревянный чёлн.  
Не скрипит уключина,  
Не до вёсел нам.  
Скрыла нас излучина,  
Волю, дав рукам.  
Глаза твои, озёра,  
Омут – родники  
Полны, полны задора,  
Ласки и любви.  
Русых волос прядочка,  
Локон завитой.  
Несёт, несёт лодочка  
Нас вдвоём с тобой.  
Губы твои пряные  
Я поцеловал.  
И глаза туманные  
Взглядом отыскал.  
Плыви, плыви лодочка  
В неба океан.

Парус любви – солнышка,  
Счастье не обман.  
Лодка, лодка, лодочка!  
Слов не говори.  
Плыви плавно в бухточку  
Счастья и любви.  
Только ты желанная,  
Мне одна нужна  
Радуги сияние –  
Вместе белизна.  
Вёсла, вёсла, вёслами  
Стёр я руки в кровь,  
Чтоб вернуть мне к пристани  
Лодку и любовь.  
И от этой пристани  
Мы с тобой вдвоем  
Любовь нашу чистую  
По судьбе несём.

\* \* \*

Карусель серых дней  
Мышкой серою в щель,  
Хвостиком, помахав, закатилась.

Утро жизни моей  
Промелькнуло, как сон,  
И не знамо куда удалилось.

Все мечты и слова  
Были сказаны зря,  
В пустоту и в прах превратились.

Лишь дурная молва,  
Закусив удила,  
Утешая, по свету пустилась.

\* \* \*

Инструмент моей души –  
Не гитара, нет, не семиструнная.  
Скрипка, зазвучавшая в тиши –  
Вечно молодая, вечно юная.

Пой, ты пой, моя душа,  
Исполняй свою мелодию.  
Пусть плоха она, иль хороша,  
Для себя пою я только вроде бы.

Для себя пою не для других.  
То смеюсь, то плачу, как юродивый.  
И пока огонь души не стих,  
Ты звучи, звучи моя мелодия.

### БЛАГОВЕСТ

Тюмень – церквей и колоколен,  
Твой благовест звучит окрест.  
И покаянием дух наполнен  
Неповторимых этих мест.  
Когда-то каторга и ссылка,  
Неведомая нам – Сибирь.  
И сортировка – пересылка,  
Где балом правил конвоир.  
Теперь столица нефтяная.  
Талантами богатый край.  
Ты к небу тянешься родная  
И звёзд растишь, хоть отбавляй.  
Не зря же ты отмечен свыше,  
Мой край берёзок и озёр.  
На сотнях новых нефтьвышек  
Шумит, работая, мотор.

И гордый твой народ упрямо  
Шагает за полярный круг  
С вновь разработанной программой  
Для сотен бойких крепких рук.

И строит новые дороги,  
Вгрызаясь в вечность мерзлоты,  
Чтобы суровый север, строгий  
Был с нами искренним, на ты.

Чтоб одарил своим богатством  
И подарил сердец привет.

И северных народов братство  
Ещё хранил бы много лет.

И пусть за ледяною стужей  
Вновь наступают холода.

Мы выдержим с тобою, сдюжим,  
Не покоримся никогда...

Тюмень на всех меридианах  
Известен твой сейчас успех.

И в самых отдалённых странах  
Давно ты на устах у всех.

Твоих церквей и колоколен  
На маковках сверкает крест.

Я за судьбу твою спокоен  
Пока звучит, сей благовест.

### ГНОМ — ЖИВОПИСЕЦ

— Мама, мама!

Почитай-ка, ты мне сказку  
Перед сном.

Расскажи-ка ты мне мама,  
Как готовил свои краски  
Для палитры старый гном?

Мама в комнату вошла,  
Книгу нужную нашла.

Подвернула одеяло,  
Села рядом и сказала:  
«Слушай и запоминай,  
Сам смекай и понимай,  
Кто дал в этой сказке  
Живописцу краски.  
Синий цвет и голубой  
В глубине он взял морской.  
Белый цвет – снегов, берёз  
И солёных горьких слёз.  
А зелёный цвет и красный  
У природы брал прекрасной.  
Чёрный цвет дарила тьма.  
Серый – в сумерках зима.  
Жёлтый – солнышко лучом  
Заглянуло к нему в дом.  
Все цвета смешал и краски  
Приготовил всех тонов.  
Подустал, и, смежив глазки,  
Лёг тихонько в свой альков,  
Маленький чудесный гном  
И забылся сладким сном.  
Утром маленький художник  
Брал с мольбертом свой треножник,  
Холст и краски всех цветов.  
По тропинке среди цветов  
Уходил к реке иль в горы.  
Там с искусством ведя споры,  
Он картины рисовал.  
На которых оживал,  
Красками, искрясь и светом,  
Лес, притихший шумным летом  
Над волшебною рекой.  
Берег обнажён крутой,  
Где крылатые пичужки

Лепят гнёздышки – лачужки  
Под отвесною скалой  
Рядом с буйною водой.  
Перевал, снега, вершины  
Перенёс он на картину.  
Просекой среди берёз  
Гном украсил старый холст.  
На другой картине кошка  
Смотрит весело в окошко  
И мурлычет, как живая,  
Мышек в гости созывая.  
Вот олень золоторогий,  
Дремлющий медведь в берлоге.  
Заяц ягоды в бору  
Сушит и несёт в нору.  
Обитатели лесов,  
Рек, озёр, полей, садов  
На картинах жизнь ведут,  
Лес и поле берегут.  
Тянут невод рыбаки.  
Проплывая вдоль реки.  
Пашет землю тракторист.  
Учит роль свою артист.  
Каждый знает своё дело.  
Чтоб Земля не оскудела  
И певцы, и музыканты  
Дарят ей свои таланты.  
Пекарь хлеб печёт и пряник,  
Добывает нефть нефтяник.  
Всякий труд велик и ценен,  
Но вдвойне, мой друг, бесценен  
Труд великий живописца,  
Кисти яркого артиста.  
Живописец родных мест  
Уголочки все окрест

Он давным-давно излазил.  
Жизнь – картинами украсил.  
И извлёк на свой мольберт  
Точный времени портрет.  
Все его картины знают  
И по ним лишь изучают  
Красоту родного края,  
Живописца вспоминая,  
Добрым словом, похвалой.  
Гном прославил край родной!  
Вот такой вот гном – художник  
В старой сказке жил когда-то.  
И мольберт, и свой треножник  
Завещал он вам ребята  
Только красок не осталось.  
Но ведь это не беда!  
Нам с тобой, зато достались  
Солнце, небо и вода.  
А ещё трава и поле, лес  
И воздух не исчез.  
Вы цените это, дети.  
И любите край родной.  
Вы живёте на планете  
Называемой Землёй».  
Мама книжечку закрыла  
Спит сынок,  
И спит квартира  
Только маятника стук  
Отмеряет время вслух.

### ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ К ТЕБЕ

От вершин седого Урала  
В Сибирь приплыл Ермак с отрядом.  
И Сибирь российской стала,



А Тюмень её первым градом.  
Семь дорог – семь лучиков света  
От тебя убегают к тебе.  
А ты, устремляясь к свету,  
Всё летишь и летишь по судьбе.  
На юг, на запад, на север  
И, конечно же, на восток.  
Как вольно гуляющий ветер  
Идёшь ты за сроком срок.  
И тянется, тянется время  
И летит быстрокрылою птицей.  
Для тебя это не проблема  
Пусть вперёд оно молнией мчится.  
От Московского начиная,  
Мы проедем по трактам твоим  
Тюмень, ты моя дорогая, –  
Город, в сердце который храним.  
На Тобольск, тянется тракт Тобольский;  
Дальше, до северных льдистых морей  
Вьётся дорогою зимник остяцкий,  
Ведя за собою не хилых людей.  
Салаирский и Велижанский  
В Свердловскую область спешат.  
Туда же стремится Ирбитский  
К Уральским горам, на закат.  
Червишевский в южную сторону,  
К Исетскому и на Курган.  
Нам только бы выйти из города,  
А там дорог-океан.  
Через Ишим тракт Ялуторовский  
К городу Омску мчит.  
И дальше дорогу распутывая  
К Владивостоку спешит.  
А там – вот он – Порт-Ванино  
И порт далёкий Находка

Волной они за море манят,  
Где солнце горит самородком.  
Но дальнего края дальняя даль,  
Она ни к чему мне.  
Пусть путь расстилает шальную шаль,  
Ты, Родина, свет в окне.  
Тюмень, ты, моя дорогая!  
Город, в сердце который храню,  
Роднее не знаю я края,  
Чем город, который люблю.  
Вот такая вот не задача.  
Сотни дорог, миллионы путей,  
Соединяя, дробят удачу,  
Наделяя, ею людей.

ОТРЫВОК ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «ГОРОД»

Тюмень назвали метко:  
Столицей деревень.  
Ярлык прилип так крепко.  
Что в силе по сей день.

Послевоенный город,  
А может городок,  
Для жулика и вора –  
Привольный уголок:

Толкучка здесь и рынки,  
Вокзалы и речпорт,  
Блатная Бабарынка  
И мини – аэропорт.

Притоны, стрелки, хаты,  
Игорные дома –  
Там деньги, водка, карты  
И тёмные дела.

Там аура наживы,  
Насилья, грабежа:  
Попался – не до жиру,  
Обчистят до гроша.

Дочиста ограбят  
Не ночью – светлым днём!  
В одних трусах оставят  
Для форса нагишом.

А где идёт торговля –  
Там ругань и азарт.  
Народ всё ж добровольно  
Шёл в торговый ряд.

А лохов, как известно,  
В избытке – пруд пруди.  
Обманом или лестью  
Здесь выманят рубли:

Умелые гадалки,  
Бродяги, шулера,  
Напёрстники, цыганки  
И местная шпана.

Грабители и воры,  
Бандиты всех мастей  
В тисках держали город –  
Реалия тех дней.

Преступность процветала,  
Способствовал ей быт:  
Товаров не хватало –  
Острейший дефицит.

По карточкам – продукты  
И хоз – и промтовар.  
Быть может это глупо,  
Но жил – кто воровал.

От ларьков до банков  
Бомбил преступный мир:  
Страдали от подонков  
Те, кто честно жил.

Бандиты брали кассы,  
Вскрывали в банках сейф –  
Такие были ассы,  
Что в страхе жили все.

Снимали, раздевали  
Всё с головы до ног,  
В квартирах оставляли  
Пол, стены, потолок.

Карманники искусно  
Работали в толпе,  
Как фокусники, быстро  
Вмиг крали портмоне.

Картину дополняли  
Бродяг и нищих ряд:  
Крестились и взывали  
Им милостыню дать.

Тюменский Квазимодо  
Взимал без слов у всех:  
Блаженному – уроду  
Не дать – по вере грех!

Солдаты – инвалиды,  
Без ног иль, без руки,  
Про любовь, обиды  
Пели за пятаки.

Портреты и сюжеты  
Сложны после войны...  
Город, как монета,  
Имел две стороны...

Тюмень же деловая  
Шла своим путём:  
Бурлила трудовая  
Жизнь мирная ключом.

С войны домой вернулись  
Тюменцы – мужики,  
И сходу окунулись  
В дела фронтовики.

На то были причины:  
Пробелы на виду!  
Соскучились мужчины  
По мирному труду.

А женщины вздохнули:  
Подмога им пришла,  
От радости всплакнули –  
Не вынесла душа.

За важными делами  
Мужчины день за днём,  
И под их руками  
Менялось всё кругом:

На пристани, вокзале  
Потоком ценный груз –  
Стройматериалы:  
Цемент, щебёнка, брус.

По трассам магистральным  
Машины понеслись,  
Вкруг площади центральной  
Дома взметнулись ввысь.

На фабриках, заводах  
Лязг, скрежет, суета...  
Промышленность в те годы –  
Вновь с чистого листа.

И город ожил словно:  
Дымами задышал,  
Гудок в шесть тридцать ровно,  
День новый возвещал.

Народ шёл на работу,  
Привычно в семь утра:  
Привычные заботы,  
Привычный ритм труда.

\* \* \*

В России счастье редкость,  
Как призрачный мираж.  
Хроническая бедность –  
Наш образ, наша блажь.

К тому же оно хрупко,  
Как тонкое стекло:  
И есть оно, как будто,  
И будто нет его.

Оно, как пряный ветер,  
Лаская, налетит,  
И винным вдруг букетом  
Вам голову вскружит.

Душа оставит тело  
И унесётся в высь,  
В эфир, за атмосферу,  
Где счастья – завались!

Там розово – красиво  
И музыка звучит...,  
Но длится это диво  
Всего лишь только миг.

Очнёшься после дрёмы  
И прояснится взгляд:  
Вновь в бренный мир знакомый  
Вернёшься ты назад:

На землю с поднебесья,  
В дела рутинных дней,  
В страну, где мыслям тесно,  
От вековых проблем.

В страну, где счастье ищут  
Много лет подряд,  
В которой умно пишут  
И складно говорят,

Где делают разметку  
Под новый старт, разбег,  
Где ждут от пятилетки  
Свершений и побед.

От планов, дел глобальных  
Тупеет голова...  
Вопрос себе печальный:  
«Зачем и кто же я?»

\* \* \*

А счастье быстротечно,  
Как крик, как плеск волны,  
Одно под солнцем вечно:  
Жизнь - счастье, без войны...



\* \* \*

На праздник красным цветом  
Наполнена Тюмень.  
Награды вновь надеты  
Мужчинами в сей день.

Открыты окна настежь –  
Звучит то марш, то вальс.  
Победа – это счастье  
Для каждого сейчас.

Призывы, поздравленья  
По радио звучат.  
Слёзы от волненья,  
Свиданий и утрат.

На площади, в квартирах,  
И просто во дворах  
Рассказы шли о битвах  
На разных языках.

За тех, кого нет с ними,  
За тех, кто ныне жив  
По сто и двести пили,  
Лишь хлебом закусив.

Сегодня вновь в почёте  
Пилотка и ремень –  
Чествует пехоту  
Столица деревень.

Чествует танкистов,  
Отважных моряков,  
Лётчиков, связистов,  
И передовиков.

\* \* \*

Закуска, водка, стопки,  
Семья вокруг стола.  
Вполголоса, негромко  
История одна.

«Мы ночью отступали –  
Давил днём фриц, как вшей,  
Светать начнёт – лежали,  
Закутавшись в шинель.

Не страх, а злость сидела  
У каждого из нас:  
За месяц надоело  
Нам прятаться в кустах!

Куда идём? На запад,  
А может на восток...  
Пахнул вдруг дымный запах,  
Вгляделись – огонёк.

Понятно – окружили,  
На выстрел подошли,  
Разведка доложила,  
Там беженцы, свои.

Костёр у стога сена,  
А рядом мать с детьми –  
Худые, как из плена,  
И грязные, как мы.

От холода прижалась  
Друг к другу ребятня,  
Мать изредка бросала  
Клок сена для огня.

А детки без движенья,  
Как в полусне сидят,  
Тепло – их спасенье,  
К костру прикован взгляд.

Стояла осень, к слову,  
Семейка – налегке:  
Привычных нет котомок  
Ведро лишь в стороне.

Видать вот так сбежали  
От ужасов войны.  
Устав, без сил здесь стали –  
С дороги не видны.

Стоим мы полукругом  
И смотрим на детей,  
Ни страха, ни испуга  
На лицах малышей.

Они грязны, чумазы,  
Одни глаза блестят...  
И вспомнил тут я сразу  
Жену свою, ребят:

Быть может тоже в рвани,  
Быть может, голодны...  
Снял с плеч солдатский ранец,  
Достал НЗ и к ним.

К ногам детей на землю  
Припасы положил,  
А комотделения  
В сердцах сказал: «Дебил!

Им может, жить осталось,  
У стога до утра,  
Не к месту твоя жалость –  
Кругом идёт война.

Не бомбой так снарядом  
Здесь накроет их,  
А нам, земля, надо  
Добраться до своих»...

А мать благодарила  
От имени детей,  
Меня перекрестила –  
Я поклонился ей»...

«А дальше - то что, Коля?  
А дальше, Настя, фронт...  
К своим прорвался с боем  
Наш поредевший взвод.

Затем передовая...  
И – до конца войны...  
С боями прошагал я  
Пожалуй, три страны.

Пришлось четыре года  
Со смертью рядом быть,  
А встречу ту у стога  
Не мог никак забыть.

Мне чудились детишки,  
Их мать, костёр ночной,  
И голос еле слышный:  
«Вернёшься ты домой...»

Видать заговорила  
Она от всех смертей...  
Хранила эта сила  
Меня до мирных дней».

Рассказ окончен; снова  
Налили по сто грамм.  
И тост – в четыре слова:  
«За наших милых мам!»

\* \* \*

На пристани вновь схватка:  
Мат, ругань, мордобой –  
Идёт разборка, свалка  
Меж уличной шпаной.

Тела слились, как в рое,  
Мелькают кулаки,  
Две банды диким воем  
Рвут глотки у реки.  
В ход пущены кастеты,  
Солдатские ремни –  
Без правил и запретов  
Дерутся пацаны.

Летят плевки с зубами,  
Носы разбиты в кровь.  
Упавших бьют ногами  
По рёбрам, в пах и в бровь.

Здесь нет трусливых, слабых,  
Здесь каждый шкет – герой:  
Жестоким быть здесь надо  
За «место» под горой.

Тут бьются до «мокрухи»  
Иль крика: «Мусора!»  
Тогда все быстро – мухой  
Исчезнут во дворах.

И дворник дядя Вася  
Про этот мордобой  
Искусно приукрасит  
«Коллегам» по пивной.

## ЭПИЛОГ

Тюмень – действительно столица  
Большого края в наши дни.  
Пожалуй, есть чему дивиться,  
Здесь «ноу-хау» сплошь одни.

Цветы на улицах и в парках,  
Как в южном городе цветут.  
В глазах рябит от иномарок  
На нашей главной авеню.

Рекламы, бары, как в Европе,  
Есть в самом центре казино,  
Вас встретят так в тюменском шоппе,  
Что жизнь покажется кино.

Дворцы, фонтаны, позолота  
На куполах церквей блестит,  
Тюменцы нынче ходят в шортах –  
Таков в Сибири стал прикид.  
Чужая речь слышна в Тюмени,  
В торговле ценники в «У.Е».  
Товар – на доллары и йены,  
И всё по рыночной цене.

Не просто важные особы,  
А «ВИП» – персоны ездят к нам:  
Сибирь, её углеводороды  
Известны даже господам.

Живёт сибирская столица  
В потоке новых перемен,  
А мне всё чаще что-то снится,  
Послевоенная Тюмень.

Ищу знакомые кварталы,  
Там мне уютней и родней.  
Их мало в городе так стало –  
Свидетелей ушедших дней.

Уходят старые приметы,  
А с ними – старая Тюмень.  
Жить прошлым, видимо, нелепо,  
Хотя оно, как наша тень...

## ЗУБАСТЫЙ ТОШКА

Выхожу из подъезда. Весна, припекает солнышко и отражается в лужах. Впереди меня на расстоянии идет соседка Мария с маленьким пёсиком Тошкой. Забавный пёс, у него нижняя челюсть с зубами торчит из пасти – такая порода. Во дворе я зову его Тошка-каргошка, он бежит ко мне со всех ног, встает на задние лапки и ластится.

Люблю наблюдать за животными. Соседка зашла на телеграф, Тошку оставила на улице. Подхожу к нему медленно, не окликая, останавливаюсь, как будто чувствую, что произойдет что-то забавное. Вдруг из-за поворота появился мужчина с собакой, в пасти которой был виден круглый резиновый мячик. Тошка увидев собаку со странной мордочкой, от любопытства двинулся к ней навстречу. Собака в свою очередь, увидев Тошку с оскаленными на нее зубами, стала тоже подходить к нему и у нее толи от страха, толи от удивления, мячик выпал прямо в лужу. Не обращая внимания на мяч и на брызги, она продолжала смело идти навстречу Тошке, чтобы защищаться и дать отпор этой зубастой собаке.

Я наблюдала, еле сдерживая смех, что будет дальше. Едва они встретились нос к носу, видимо сразу поняли друг друга, обнюхались и как-то неуклюже сконфузились, мирно разминулись. Это надо было видеть, и я рассмеялась, жалея, что не было с собой фотоаппарата.

Медленно подходил хозяин собаки, я стала ему рассказывать увиденное, он от неожиданности остановился, рассеянно улыбнулся, посмотрел на собак и зашагал дальше, погруженный в свои мысли. Я подумала и решила: наверное, видеть то, что не видят другие, дано не каждому, а жаль, посмеялись бы вместе.



## ЛИК ТЮМЕНИ

Тюмень. Всего лишь город. Не большой. Не маленький. Один из миллионов. Единственный. Обычный. Но – необыкновенный.

Тура. Река-хозяйка. Помощница, поилица. Торговый путь, пароходство. И беспокойная соседка. Подмытый берег, продолжающий осыпаться. Разрушенные дома. «Погибший» Благовещенский собор.

Историческая площадь... Самое красивое место города. Его начало, исток. Троицкий монастырь. Архитектурно-строительная академия. Бывший Дунькин сад. Крестовоздвиженский храм. Пешеходный мост. Краеведческий музей. Гостиный двор. Всё это – история Тюмени, её лицо. Застывшее время: убрать автомобили - век девятнадцатый, не больше. По зелёным берегам – затенённые скверики. Близость храмов делает уединение здесь особенным. Тихим, светлым, святым... Придётся, и забудешь суету дней, их непрерывный поток.

Но на дворе не девятнадцатый век. Новые памятники, иные строения. И горькая печать Войны – Вечный огонь и Обелиск Победы. А теперь ещё и обязательная остановка в маршрутах свадебных кортежей.

У Гостиного двора – памятный знак Ермаку и его товарищам. Простой чёрный крест. Но много ли памяти надо?..

А через дорогу уже не просто пешеходный мост – Мост влюблённых. Сколько встреч здесь было? Сколько слёз и улыбок, надежд и огорчений...

Недалеко от моста – остатки речушки Тюменки. Я маленькая была, всегда «речкой» называла. Подросла – поняла, что на реку Тюменка уже не тянет. Жаль её...

В прежние времена Тюменка делила город на две части. Город разросся. Граница меж частями исчезла. А вот название «Затюменка» осталось.

Затюменка. Маленькие деревянные домики. Старые, некоторые почти древние. Порой кажется, уж не в них ли ямщики жили? И купеческие здания. Крепкие, добротные – на века строены. Многое связано с именем Колокольниковых. Нынешняя вечерняя школа № 2. Здание строительной академии. Ещё долго тюменцам будут памятны эти купцы благодаря их соучастию в истории Тюмени.

Затюменка – лишь часть города. А вся Тюмень? Вроде гори как город. Но... особенный. Со своим лицом. Со своей историей и загадками. Со своей Душой.

Любой город – это и его люди. В Тюмени жители разные. Весёлые, задорные. Задумчивые, поэтичные. Спокойные, торопливые, степенные, приветливые, хмурые, прагматики, романтики... Разные. Но все – сибиряки, славный народ! И каждый – частичка Тюмени.

Вечер. Спешащие люди. Домой, домой! К родным и близким, к теплу... Каждый в своих мыслях. Что им музеи, площади, дома? Что им город? Ничто...

Неправда! Родной город – разве не Дом? Дом человека – не только семья, квартира и любимые тапочки. Это много, много больше... Любимые дворы, скверы, проулки, парки. Фонари, мостовые и тротуары, даже реклама на улицах – так или иначе, часть нашего большого уютного Дома.

Наш город. Наш дом. Наша Тюмень. И... наш выбор. Ведь именно мы строим нашу жизнь и пространство вокруг, а значит, и город. Делаем его чище, светлее, лучше. А это – вклад уже каждого человека, независимо от положения и возраста. Тюмень этого стоит!

## УЛИЦА ДЕТСТВА - ОЩУЩЕНИЕ СЧАСТЬЯ

В моем детстве было хорошо, светло и уютно. Сейчас, когда мне уже под пятьдесят, всё вспоминается с грустью, потому что-то время не вернуть, но вспоминается и с радостью, ведь память, верно, хранит тепло тех лет.

Родилась я в Тюмени, и детство мое прошло на так называемых «крестьянских» местах. Это в 60-е годы была окраина города. Улица Червишевская (ныне Самарцева) располагалась почти параллельно Червишевскому тракту, была односторонней с нечетными номерами порядка пятидесяти домов. Когда мы ребятишками со всей улицы играли в «казаков-разбойников», или когда вдвоем с моей лучшей подружкой прогуливались с начала и до конца улицы, я всегда оценивала все дома по красоте постройки и добротности их. Ну, конечно же, наш дом был самый лучший.

Это был шлакозаливной, побеленный известью, с зелеными резными наличниками и шиферной крышей дом. Он стоял на углу, окнами на все стороны света. Восход-солнышко в кухне. Солнце поднимается выше, светит ярче и горячее – освещает и наполняет теплом через окно маленькую комнату и зал (так в нашей семье называли большую комнату). Потом солнце продвигается дальше, и лучи заходящего солнца пробиваются сквозь кусты сирени в три окна, которые смотрят на «запад». Весь день в доме светло и очень хорошо.

А хорошо всё! Любимые и любящие родители. Дедушка – степенный, основательный, неторопливый. Бабушка, напротив, «скорая на руку», суетливая, вечно занятая на кухне. Моя тетя, она по тем временам была самая главная модница и красавица нашей улицы. Моя младшая сестра – рыжеволосая капризуля! Мне попадало за неё, когда я не хотела её брать с собой, погулять. А она всё «таскалась» за мной. Ещё с нами жила бабушкина сестра. Так получилось, что в старости у неё не было своего жилья. А я в то

время 8-летней юла-непоседа с румянцем во всю щеку (который, слава Богу, до сих пор сохранился). Вот таким составом в 8 человек мы и жили в своем доме. Любимый дом! Любимая улица!

Я вспоминаю.

Вот сбегая с высокого крыльца во двор. Красота! Двор «застелен» тротуарными досками, дощечка к дощечке, гвоздик к гвоздику. Это сделал дедушка с папой. Все «кусочки» земли, те, что не под тротуарами, засажены, засеяны, «зацветочены» клумбами. Всё цветет, благоухает, радуется, и жить зовет. Здесь есть все оттенки георгинов. Самые белоснежные называются «Арктика», есть розовые, красные и фиолетовые. Есть клумба, обложенная белёными кирпичами, здесь растут шафраны и бархатцы. Отдельными «стайками» растут ромашки разных размеров, я люблю самые крупные.

Сейчас я выйду за ворота, и случится то, что мне всегда нравится. Во дворе-солнце, жарко. Нажимаю щеколду, открываю калитку, и быстро закрываю и, солнца как не бывало. А всё дело в том, что ворота у нас «знаменитые», высотой метра в три. Когда закрываешь их, то солнце остается во дворе, а ворота дают тень метров с десятков вперед. Вот этот переход из тепла в сумрак всегда удивлял и помнится мне до сих пор.

А сейчас лето, каникулы, без уроков, с друзьями, с играми. Я отхожу от ворот из тени на солнце и оглядываюсь. Ну, конечно, таких ворот нет ни у кого. Высокие, покрашенные зеленой краской, как бы разделенные на четверти и в каждой – белая ромашка.

Вот и выхожу я за ворота. Смотрю направо. Там начало улицы. Стоят аккуратные домики с палисадниками, в них яблони, сирени, акации, черемухи. Как я всё это люблю. Смотрю налево. Туда улица «растет» номерами, видно и последние домики на ней, за ними уже лес. Сегодня трудно представить, что тогда в 1968 году от нашего дома было видно лес.

Я знаю, что будет дальше. Я бегом несусь по грунтовой дороге, мне нужно забежать за здание гаража. Я бегу очень быстро, не боясь упасть. А чего бояться, колени содраны и зелёной замазаны ещё вчера.

Вот и прибежала, сейчас поверну направо и увижу «бежин луг». Я остановилась, замерла, дыхание затаила, закрыла глаза, открыла. Так и есть, вот оно счастье - вся поляна в желтых одуванчиках. Я ощутила счастье в ту минуту совершенно реально не умом, не душой, а увидела его, прикоснулась к нему. Ещё вчера в зелени травы одуванчиков было не так много, а сегодня и травы не видать, всё желтой краской залито!

Я забегая в середину этой красоты, сажусь прямо на цветы, провожу по ним ладошкой медленно, медленно, от цветов – тепло. Потом ложусь на спину, и листья одуванчиков чуть холодят. Раскидываю руки, гляжу в голубое небо. Каждый год такой день в моей жизни повторялся и я рада, что это было в жизни моей.

Немного жаль, что на месте нашего дома стоит девятиэтажка, а на одуванчиковой поляне – дом в 24 этажа. Тюмень растёт, хорошеет, и уже не становится, а стала красавицей с современным ухоженным лицом, с хорошими манерами крупного города.

Тюмень сегодня – это высотки невиданной красоты и дизайнера, это современные большие магазины, оснащенные новейшим торговым оборудованием, это крупные промышленные предприятия, производящие продукцию, которая нужна всей стране (например, медицинская техника или аккумуляторы). Тюмень – это многие километры новых дорог, по которым снуют, спешат и сигналият разными голосами всевозможные иномарки. Тюмень – это площади, парки, скверы, в них и клумбы, и фонтаны, и цветники. Тюмень – это красота и многовековое величие соборов и церквей. Всё это описывать и легко, потому что каждый тюмонец видит наш город новым каждый день, но и сложно, потому что преобразований и новшеств так много, и они так быстры, что слова не успевают за мыслями. Всё это – наша современность. Но я призываю, чтобы каждый человек помнил прошлое, помнил свой дом, где прошло его детство, родную улицу, любимую школу, дорогих соседей.

И ещё вспоминаю. В 1974 году в 8-м классе мы писали сочинение «Моя Тюмень через 30 лет». Этот срок был выбран неслучайно, ведь 2004 год – это всё-таки начало нового века.

Так вот написала я тогда о благоустройстве города. Мечтала

о роскошных клумбах на каждой улице, о широких дорогах, об асфальтированных тропинках, о липах и сирени в центре города, о цветущих весной тюльпанах, о чистоте и порядке на улицах Тюмени.

Ну, вот всё и сбылось!

А интересно, каким будет наш город через 30 лет?

## МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА (рассказ-быль)

Давайте знакомиться. Меня зовут Лида Бессонова. Я работаю топографом отряда аэрогеодезического предприятия. Пока идёт третий год моей самостоятельной работы в партии отряда, которая летом выехала на полевые работы. Вы не знаете, чем занимается топограф? Я вам расскажу, потому что меня многие спрашивают об этом.

Геодезический отряд – это группа специалистов, которые проводят изыскательские работы на местности. Они делают съёмки ландшафта на местности, определяют её высоту над уровнем моря, составляют подробный план в каком квадрате что расположено: река, лес, дорога, холмы и т.д. Для этого топограф делает соответствующие замеры при помощи специального оборудования. Затем эти данные вносятся в записную книжку, а в будущем на топографическую карту в определённом масштабе.

Работа эта очень ответственная – малейшая неточность в измерениях или переносе на план уже повлечет за собой искажения в будущей топографической карте. Я немного похвальнось: сначала не могла делать абсолютно точные измерения, были погрешности, от чего очень огорчалась, но потом руки стали устойчивее держать инструменты, а глаз, как говорят «более наметан». Так что теперь старший топограф Михаил Петрович, бывалый «нивелировщик», как его называли, лишь изредка проверял мои результаты и удовлетворённо хмыкал, приговаривая: «Вот коза!» При этом с затаённой гордостью добавлял: Моя школа.

Я очень горжусь значимостью этого дела, так как на курсах топографов нам говорили. Что зависит результат работы всего отряда во многом именно от умения топографа. Похвала авторитетного дяди для меня высокая награда. Вот и сейчас мы первопроходимы местности. Только после нас, ориентируясь по нашим картам,

пойдут геодезисты и сейсмологи; будут бурить пробные скважины и искать волну породы. Только после этого, если пробная скважина покажет хороший результат. Придут геологи, хотя говорят, что геологи «открыли очередное месторождение». Несправедливость какая-то, я иду первая, а «геолог открыл». Однако, я уже немного согласна с этим утверждением. Не мы обнаруживаем, допустим, залежи руды или запасы нефти, а геолог нашёл. Но всё-таки немного обидно. Недавно слышала по радио: какой-то важный чин с высокой трибуны сказал: – Низкий поклон Вам, топографы!

Во как! Впрочем топографические карты имеют большое значение не только для геологов, а и для всего народного хозяйства. Ими пользуются при строительстве электростанций. Оросительных систем и железных дорог. А также городов и посёлков. В уже существующие карты временами вносятся изменения в связи с новшествами. Это тоже задача топографов. Ну, хватит! А то я сейчас лопну от гордости за свою профессию.

Я ещё забыла вам сказать. Что свою работу мы проделываем в тёплое время в полевых условиях, а зимой возвращаемся в город, обрабатываем привезённые материалы, составляем по ним отчеты.

Однажды я участвовала в составлении ВТО. Что это такое? Это военно-топографическое описание местности. Снимался ландшафт одной сопки и окрестный обзор с неё в радиусе одного километра. Это было потрясающе! Мне казалось. Что с высоты этой сопки мы видим внизу окружавших нас фашистов. А я, представляя вместо нивемера в руках автомат, «крошила» их очередью и громко кричала: – Бей фашистов – гадов!

На что Михаил Петрович прикрикнул на меня: – Держи рейку ровнее, вояка.

Задача отряда состояла в том, чтобы с высоты сопки определить видимость внизу со всех четырёх сторон с целью возможности прохождения техники и пехоты.

Как уже говорила. Я работаю в отряде два года после окончания курсов топографов, а нынче перевелась в институте на заочное отделение на факультет топографии и геодезии. Папа был против,



что бы я поступала именно этот факультет: – Ты всю жизнь собираешься в лесу жить? Но мне нравится – просторные поля, «цветастые луга», живо – текущие реки, величаво – шумные леса наполняют мою душу озорной радостью. Я готова расцеловать каждый кустик, согреть своим дыханием каждый цветок, приласкать и накормить каждого лесного зверя.

Здесь есть простор для моей буйной фантазии. Я ощущаю здесь себя не девчонкой – Лидой Бессоновой, а совершенно незнакомой фантазёркой в разных лицах и персонажах. Ей неуютно в стенах кабинетов, где постоянно запинаешься за стулья и утыкаешься в стены.

«Полевые условия» – это моя родная стихия. Дождь, комары, болото не выдерживают конкуренции с утренним рассветом на глади реки, с запахом трав и мхов. А чего стоит вкус свежих поджаренных на костре грибных шашлыков, сладко-терпких ягод дикоросов, свежельовленной рыбы! А уха на костре! Какой ресторан города может похвалиться такими вкусами. Возможно, кто-то из моих предков, были «лесными» людьми. Иначе откуда у сугубо городской жительницы, как я, такая тяга к природе.

Время зимних холодов, когда мы стационарно составляем отчеты и карты в городе, тянется для меня невыносимо медленно.

Во время зимних студенческих каникул я езу в отпуск к родителям. Мама и папа не знают, что я бросила очную учебу в институте, а обучаюсь заочно и работаю в отряде. Когда я закончу тот же институт, только заочно, я расскажу им о моём сумасбродстве, они так это расценят. Пока же я не хочу их расстраивать, пусть все остаётся, как есть: мне неплохо и им хорошо.

Только факт моей лжи, хотя и во благо, мне неприятен. Утешает лишь то, что скоро я все-таки закончу институт. Мама часто интересуется моей учебой: – Лидочка, как ты сдала сессию? И почему летом у вас такая длительная практика в лесу, что ты не успеваешь приехать домой? Ты стипендию регулярно получаешь? Мне кажется, тебе, молодой девушке, её не хватает. И почему ты не берёшь у нас деньги? – Мама, я же говорила, что по результатам

летней практики я делаю отчеты, за которые мне платят деньги. Мне хватает на расходы. – Доченька моя, скоро ты станешь специалистом с высшим образованием. Мы с отцом так этого ждём. Тогда, наконец, закончатся твои «лесные вылазки» во время летних практик.

Благополучно отбываю из родительского дома в «институт», хотя ложь моя наполовину оправдана – экзамены я все равно сдаю в том же храме науки. Ну и что же, что заочно.

У меня есть ещё маленькая тайна, но я поделюсь ею с вами. Уже подходил к концу первый курс обучения – очное, когда один из наших преподавателей Андрей Николаевич, как-то на лекции сказал нам, что он уходит из института и уезжает начальником отряда в тайгу. Он пригласил нас на летнюю практику к нему в отряд, кто пожелает. Я обомлела и, разумеется, «пожелала», потому что Андрей Николаевич мне очень нравился. Может, я была даже влюблена в него и сообщение об уходе его, свалилось на меня, как снег на голову. О моём повышенном внимании к нему преподаватель не догадывался и одобрил моё желание приехать на практику. Окончив первый курс, я перевелась на заочное отделение и приехала в отряд на работу. Андрей Николаевич очень удивился, но я объяснила ситуацию тем обстоятельством, что нужно самой зарабатывать на жизнь. – Ну, хорошо. Пошлём тебя на курсы топографов от нашего отряда. Андрей Николаевич ни о чем не догадывался. У него в городе жена и сын. Обычно в полевых условиях жены редко работают с мужьями – детям нужно учиться и их воспитывать приходится жёнам, а не по лесам ходить.

А мне ничего от него и не нужно, только знать, что он где-то рядом, и всё. Свой секрет я поведала только своей подруге – Лене Гуськовой. Она, такая рассудительная и серьёзная, меня поучает: – Вот встретишь ты когда-нибудь «своего» парня и будешь смеяться сама над собой: как же тебе мог нравиться такой старик?

– Все он и не старик, а мужчина в возрасте. Я не строю никаких планов и не питаю иллюзий относительно моего отношения к Андрею Николаевичу. Он никогда ничего не узнает. Я поклялась в этом сама себе. Может быть, и встречу кого-то еще, но кто же

может быть лучше? Ленка числится в отряде «рабочей», так как у неё пока нет профессии. Следующим летом она будет поступать в институт, очно, поэтому зарабатывает производственный стаж два года, необходимый для поступления вне конкурса.

Мы с ней живём в одной комнате, обмениваемся секретами и строим планы на будущее. – У меня будет трое детей, – мечтательно говорит она. Вот только никак не решу, как лучше: два мальчика и одна девочка или наоборот? Если два мальчика, а девочка одна – мне помощи меньше. Зато девочке защиты от братьев больше. А две девочки – обидеть могут, мальчику одному не справиться. Опять же, будущему отцу помощи меньше, – раздумывая вслух, теревит свои косички будущая мамаша.

– Дура ты, Ленка! Разве ты можешь решить, сколько нужно девочек, а сколько мальчиков? А вдруг у тебя будут одни мальчики или наоборот? – Я же буду рожать – мне и решать, – невозмутимо возражает подружка.

– Ладно, ладно тебе, – смеясь, соглашаюсь я. Пора спать, утром рано выходить на маршрут.

Однажды мы работали на барометрическом нивелировании в составе бригады из четырёх человек. Старший топограф – Михаил Петрович, топограф – это я, и двое рабочих Ленка и практикант Вася. Перед выходом мы обсудили и приняли следующий порядок работы, а Михаил Петрович подытожил: – Делимся на две группы по два человека – топограф плюс рабочий в каждой. Отчеты по приборам сначала делаем все вместе, затем назначаем время встречи на следующей точке. Туда мы сейчас с Васей идем, а Лида с Леной остаются здесь и позже подходят к нам. Они ушли, а мы остались заканчивать отчёты по приборам в этом месте. В указанное время мы с Леной должны подойти к следующей точке, где будут работать Михаил Петрович с Васей и вместе продолжать работу по приборам. Затем в том же порядке двигаемся дальше по маршруту к следующим остановкам и т. д. в течение светлого времени дня.

Для более быстрого передвижения мы ориентировались по аэросникам. Ещё, впереди ушедшие мужчины делали для нас

затесы на деревьях, что бы лучше обозначить дорогу до пункта встречи. Часто попадались болота, и там хорошо просматривалась «тропа», по которой проходили.

Закончив очередной этап работы с приборами и цифрами, мы, с Леной ориентируясь на пометки на деревьях, подошли к болоту.

– Странно две «тропинки» обозначились. По которой же нам идти?

– Смотри-ка, Лида, одна «тропа» шире, а другая уже. Что это значит?

– Как в той сказке, только перефразирую: прямо пойдёшь – что-то найдёшь, направо пойдёшь – ничего не найдёшь. А может наоборот. Шарада какая-то – рассуждала я.

– Я же тебя и спрашиваю: «Почему одна широкая, а другая узкая?» – не унималась Лена.

– Наверное, потому шире, что двое по ней прошли, плотнее утоптали. Идём по ней.

Вторая, узкая «тропа» уходила вправо. Болотная жижа хлопала под сапогами, едва не заливая в голенища; до берега ещё далеко, а «тропа» вводила все дальше и дальше. К тому же высокая трава стеной стоит с обеих сторон. Я иду первая, Лена сзади, в руках у нас инструменты. Комары тучами носятся перед лицом, но укусить нас не удаётся, – мы в накомарниках. Это такая шляпа с широкими полями, покрытая сеткой, которая закрепляется на шее и через эту «вуаль» комар не укусит, а от этого они злятся ещё больше и назойливо пищат.

Вдруг, впереди, я замечаю, на нашей дорожке движется что-то тёмное и большое. Лена идёт за мной «след в след» и ей не видно, что просматривается на «тропе». Зная, какая она трусиха, и нечего ей не сообщая, я сделала ещё несколько шагов и остановилась, как вкопанная, так что Лена споткнулась, натолкнувшись на меня.

– Ты что так резко остановилась? Я чуть сама не упала и тебя не свалила. Предупреждать надо, – говорила Лена, отступая назад.

Я же не могла вымолвить ни слова, – впереди нас шёл медведь! Мы же его догоняли. Опомнившись, я тихо сказала: – Поворачивай назад. Это не та «тропа». Мы ошиблись. Иди быстрее, как только

сможешь, а то скоро стемнеет. Нам нужно было идти другой «тропой»

Лена пошла быстро, т.к. теперь она оказалась впереди, а это болото ей тоже порядком надоело. Мы благополучно вернулись к изначально-ошибочному месту, вышли на узкую дорожку и добрались до наших коллег гораздо позже условленного времени.

– Что вы так долго задержались, мы уже хотели возвращаться и вас искать?! – Все баловство у вас на уме – ворчал Михаил Петрович.

Вася принимал у нас инструменты и помогал снять на время отдыха верхнюю одежду.

– А мы заплутали, пошли по второй «тропинке», а потом пришлось возвращаться», – говорила Лена, присаживаясь к костру и стаскивая сапоги.

– По какой ещё «второй тропинке?» – подозрительно переспросил наш «старшой», пытливо глядя на меня. Я, наконец-то, обрела дар речи и прохрипела:

– Мы шли по той дорожке вслед за медведем.

Теперь уже Ленка поперхнулась вскриком удивления и сидела, округлив глаза, открывая рот, не в силах что-либо произнести. Остальные тоже вопросительно уставились на меня. В наступившей тишине только слышался треск костра да шум в кронах деревьев. Я же, как ни странно уже успокоилась и продолжала удивлять своим рассказом всех.

– После вас по болоту прошёл медведь, его дорожка была шире и уходила в сторону от вашей. Мы с Леной пошли по ней, решив, что она шире, потому что вас двое прошло. Но оказалось, что прошёл один, но... медведь. Он шёл впереди нас, и мы его почти нагнали, когда я его увидела. Не понимаю до сих пор, как он нас не заметил?

– Ветер был ему и вам в лицо, поэтому и относил звук ваших продвижений по воде, поэтому и запаха вашего он не почувствовал, – сказал Михаил Петрович.

– Лидка, а почему ты мне ничего не сказала? – наконец обрела дар речи Лена.

– Да разве я не знаю, какая ты трусиха, подняла бы шум на всю тайгу, да и медведь бы ещё за нами погнался. И так страху было.

– Во, повезло! Живого медведя видели! – восхищенно сказал практикант Вася.

Петрович, надо было мне с Лидой идти, а не с тобой.

Тем временем Михаил Петрович колдовал у костра с чайником и заваркой из лесной травы.

– Ладно вам. Чайник вскипел и заварка готова. Давайте чай будем пить. Он начал разливать кипяток по кружкам.

Я села к костру и стала стягивать сапоги, как вдруг услышала Ленкин визг.

– Ой, ой, ой! – меня кто-то кусает!

Она вскочила с места и, приплясывая, хлопала себя по всему телу. На это нельзя было смотреть без смеха. Если бы не крики «ой-ой», можно было подумать, что она исполняет како-то ритуальный танец. Мы не понимали, что творит наша коллега, и молча смотрели этот, нашему убеждению, концертный номер. Странная шаманка продолжала с визгами скакать и я хотела было кинуться к ней, что бы подыграть в этом танце, как вдруг почувствовала резкий укус по коленом, и ещё за ухом, и ещё, ещё... Боль поднималась снизу вверх и вскоре терпеть её стало невозможно. Вскочив на ноги, я, как и Ленка, стала прыгать и шлёпать себя по всему телу. Продолжая дикую пляску, мы стянули с себя куртки, а Михаил Петрович закричал:

– Быстро снимайте всю верхнюю одежду! Медведь шёл по болоту специально, чтобы избавиться от блох, которые сразу же обрели новые жилища и переселились на вас. Как только вы сняли сапоги, так они мигом перебросились на тело. Теперь нужно снять с себя всю одежду и вытрясти над костром. Иначе они вас съедят. С этими словами они с Васей стали над костром вытряхивать нашу одежду, а затем отошли в сторону. Мы же с Леной сняли с себя остатки вплоть до белья и тоже вытрясли над костром. Однако лучше нам не стало, скорее наоборот. Всё тело зудело, чесалось, как от ожогов крапивы покрылось волдырями.

Укусы блох всё еще продолжались, и терпеть их становилось

невозмогу. Блохи словно мстили нам за то, что их прежний хозяин – медведь решил от них избавиться и с невероятной злостью, впиваясь в кожу тысячами мелких иголок. К тому же, эти кровожадные были невидимы. Подошли мужчины и Вася, предложил нам протереть всё тело ватным тампоном, смоченным спиртом. Но едва прикоснулись этим шариком к волдырям, мы с Еленой заорали ещё громче и запрыгали вокруг костра. Тогда решили разбавить спирт тёплой водой и влажно обтереть всё тело. Теперь мы были спасены: блохи остались на мокрой вате, но тело горело огнём. Главное, прекратились укусы! Мы тихо оделись и стали собираться возвращаться в отряд, тем более, что начинало смеркаться. Я заметила свою косынку из верблюжьей шерсти, которую я брала с собой в полевые условия повязывать на голову, она валялась на траве поодаль от костра. В спешке я её бросила и забыла. Так вот, как только я её подняла, блохи вновь попали мне на руки. Склонившись низко над огнём, я стала вытряхивать из косынки блох, но это мне не удалось. Блохи, видимо уютно устроились на ворсе косынки, и никак не хотели уходить. Пришлось мне бросить её в костёр, но зато с кровососами. Не зря же, хозяин тайги – медведь, полез от них в болото, но и на воде они не погибли, а перебрались на нас. Поразительная выживаемость и адаптация!

Позже Михаил Петрович рассказал, что некоторые животные, которым блохи слишком досаждают «придумали» себе способ избавляться от них на время. Они входят в воду по самую шею. Насекомые, таким образом, собираются у них на голове и тогда животные ныряют под воду с головой, а потом быстро выходят из воды.

В нашем же случае страдания от укусов и зуда немного облегчила склянка со спиртом, которую Михаил Петрович достал из рюкзака. Бригаде отпускают спирт для промывания гипсотермометра. Разведенный с водой спирт немного снял жжение, но по-прежнему все тело зудело. Чесать было невозможно из-за боли, к тому же волдыри вздулись и мы были опухшими.

Растерев друг друга, и надев на себя все тряпки, у кого, что нашлось, мы с Леной с помощью наших мужчин еле-еле доплелись

до стоянки отряда. Уже стемнело. У нас поднялась температура, которая держалась всю ночь, и утром Андрей Николаевич представил всей нашей бригаде выходной день, чтобы мы пришли в себя после шока. Уходила постепенно боль, а с ней и ужас происшедшего. Взамен было, удивление и смех. Как же Мишка наказал нас за что-то! Как же мы «плясали» от боли вокруг костра и кричали:

– Больше в эти леса и полевые условия нас палкой не загонишь! Будем жить в городе. Прошло время, и теперь мы с Леной вспоминаем этот случай со смехом и содроганием.

А что касается зарока больше не работать в полевых условиях – то страхи забылись, и всё стало родным и привычным в лесу.

Вот такая история приключилась со мной, топографом Лидой, в послевоенные пятидесятые годы в начале моей трудовой биографии.



Сборник произведений  
Ода Тюмени

Подписано в печать 22.07.08. Печать обложки офсетная.  
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3,72  
Тираж 100 экз.

Изготовлено в типографии «Графистар».  
Тюмень, ул. 30 лет Победы, 81/3.





